

УДК 343.150.1

DOI 10.17223/23088451/11/4

М.Т. Аширбекова**О ДВУХ ИСТИНАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Обосновывается, что УПК РФ явно ориентирует правоприменителя на достижение как объективной истины, так и формальной. Данное утверждение основывается на признании законодателем различия приговоров по их преюдициальной силе в зависимости от процессуальной формы судебного разбирательства: общей и сокращенной. Приговор, постановленный в сокращенном судебном разбирательстве, не наделяется преюдициальной силой и, следовательно, не может пониматься как объективно истинный.

Ключевые слова: истина, приговор, судебное разбирательство.

Современную науку уголовно-процессуального права трудно представить без научных трудов доктора юридических наук, профессора М.К. Свиридова. Его работы по широкому кругу теоретических и законодательных проблем уголовного процесса всегда привлекали внимание исследователей и активно использовались в диссертациях, монографиях, научных статьях. И это не случайно, поскольку в своем научном творчестве М.К. Свиридов обращается к наиболее значительным вопросам, отражающим сам смысл существования такой особой юридической деятельности, как уголовное судопроизводство, включая, конечно, и правосудие. Так, немало работ М.К. Свиридова посвящено проблемам доказывания в судебном разбирательстве, активности суда, а также приговору, его стабильности и истинности.

Безусловно, вопрос об истине в уголовном процессе – «вечно пульсирующий» вопрос, потому обратим внимание на отраженный в одной из статей М.К. Свиридова тезис о том, что современный уголовно-процессуальный закон пошел по пути закрепления в нем «двух разнонаправленных тенденций: возможность проявления в судебной деятельности как объективной (материальной), так и юридической (формальной) истины» [1, с. 142].

С данным тезисом нельзя не согласиться. Так, положения ст. 90 УПК РФ в части отказа в преюдициальной силе приговорам, постановленным в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства (ст. ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), манифестируют, что истинность таких приговоров даже не предполагается. Отличая по этому критерию указанные виды приговоров от приговоров, постановленных в общем порядке судебного разбирательства, законодатель фактически признает и формальную, и объективную истину. Надо сказать, что М.К. Свиридов замечает, что и советский уголовный процесс, который часто не относят к подлинно состязательному, не избежал обращения к формальной (юридической) истине, что отразилось в установлении такого основания для оправдательного приговора, как «недоказанность обвинения при соблюдении крайне важного требования – если суд исчерпал все возможности для продолжения доказывания» [1, с. 142].

Очевидно, такой ход развития нормативной «судьбы» объективной истины и формальной истины закономерен. Особенность юрисдикционного правоприменительного процесса в том, что установление фактических обстоятельств юридического дела не происходит

произвольно, а строго регламентировано законом. Регламентированный же порядок доказывания не может абсолютно обойтись без неких инструментов формальной истины, поскольку доказывание как познание происходит в сфере жизненных ситуаций людей, регулируемых нормами уголовного закона, а не в естественной среде, предметы которой познаются по естественнонаучным законам. С этой точки зрения любой правоприменительный вывод формален как продукт формализованной официальной деятельности официального субъекта-правоприменителя.

Однако именно технология доказывания и мера активности участия суда в этом доказывании, как по кругу исследуемых обстоятельств, так и по пределам их доказывания, различают объективную и формальную истины. В самом общем виде формальная истина – результат доказывания, то есть то, что удалось доказать в состязательном уголовном процессе исключительно усилиями сторон. Объективная истина – цель, к которой надо стремиться и устанавливать не только усилиями сторон, но и активными усилиями суда. Тут важно обратить внимание на трактовку активности суда в понимании М.К. Свиридова. Речь не идет о том, чтобы суд сам своими действиями восполнял доказывание и тем самым обнаруживал бы свою прикосновенность к обвинительной деятельности. «Но этого не произойдет, если суд заставит исправлять недостаток сторону обвинения. Здесь суд не будет подменять обвинителя или действовать вместе с ним. Требуя от обвинителя исправить допущенную им ошибку, суд тем самым будет побуждать сторону обвинения к доброкачественной работе. Такая деятельность будет вполне соответствовать положению суда, не исказит его сущность, она типична для суда, без нее суд обойтись не может. Суд должен вынести обоснованный и справедливый приговор» [2, с. 106].

Приговор, как и любой правоприменительный акт, является особым производным юридическим фактом, венчающим собой фактический состав из накапливаемых первоначальных юридических фактов [3, с. 179]. Формирование фактических оснований приговора как производного юридического факта отталкивается от первоначальных юридических фактов – фрагментов реальной действительности (событий, действий), имеющих уголовно-правовое значение.

Производность выводов приговора обусловлена результатом оценочной (мыслительной) деятельности суда. Она указывает, образно говоря, на «дыхание»

правоприменителя. В результате мы и имеем не истину факта (он, как известно, и не истинный, и не ложный) а истинность суждения.

Но эта истинность суждения рождена, надо признать, не без помощи процессуальной формы. Процессуальная форма, так или иначе, пробивается в юридической составляющей – в нормативно урегулированном порядке постановления приговора, собирая свою «дань» в виде преюдиций, презумпций, правовых аксиом и фикций в той мере, в какой они в целом допущены законом.

Так, закреплением в законе свидетельского иммунитета (ст. 51 Конституции Российской Федерации) был сделан шаг в направлении к формальной истине, поскольку в тех или иных случаях неполучение показаний свидетелей-очевидцев может породить неустранимые сомнения в достоверности правоприменительных выводов, основанных на других доказательствах, что, понятно, полагается истолковывать в пользу обвиняемого, исходя из требований презумпции невиновности.

Собственно, сама презумпция невиновности в части должной оценки неустранимых сомнений, но все же сомнений, – свидетельство ориентации на поиск именно юридической (формальной) истины. Именно на такую истину, по словам М.К. Свиридова, ориентированы согласительные процессуальные производства, предусмотренные нормами гл. 40 и 40.1 УПК РФ и допускающие «возможность принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при согласии сделки о сотрудничестве без судебного разбирательства (точнее – без исследования доказательств в судебном следствии)» [1, с. 143].

Применительно к таким производствам в научной литературе высказываются суждения о том, что презумпция невиновности игнорируется [4]. Действительно, при процессуальных производствах, которые основаны на признании обвиняемым своей вины и его согласия с предъявленным обвинением, место для сомнений остается. При этом такие сомнения могут быть устранены, но потребности в этом не возникает в силу занятой обвиняемым позиции. Данная позиция может быть интерпретирована и в русле доказательственного права, и в русле теории уголовно-правового иска, когда ответчик – обвиняемый – признает искимые требования (юридическая или договорная истина) либо защищается от них [5, с. 1031].

Указанные подходы, как видится, равно востребованы законодателем, что, конечно, не снимает вопроса об их совмещении с принципом презумпции невиновности.

Презумпция невиновности действует, пока виновность лица в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Понятно, что со вступлением обвинительного приговора в законную силу презумпция невиновности опровергается: незачем лицо считать невиновным, если постановленный приговор при условии действия принципа правовой определенности должен считаться истинным, что одновременно означает обретение им преюдициальной силы.

Однако при упрощенных или согласительных производствах, базирующихся на исключительной значимости признания обвиняемым своей вины и его согласия с предъявленным обвинением, действие презумпции невиновности не опровергается даже вступившим в законную силу обвинительным приговором, постановленным в сокращенном судебном разбирательстве. Такой вывод вытекает из положений ст. 90 УПК РФ, предусматривающими, что обстоятельства, установленные приговором, постановленным судом в соответствии со ст. ст. 226.9, 316 или 317.1 УПК РФ, не могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Иначе говоря, такие приговоры не наделяются преюдициальной силой в отличие от приговоров, постановленных в общем порядке судебного разбирательства, а также и вступивших в законную силу судебных решений, принятых в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Почему? Понятно, что по причине того, что выводы об обстоятельствах уголовного дела, установленные в таких приговорах, сомнительны и соответственно не могут пониматься как истинные. Однако такие приговоры не перестают быть актами индивидуального поднормативного регулирования, фиксирующими финальный этап реализации норм уголовного закона и уголовно-процессуального закона применительно к конкретному спорному правоотношению. Словом, такие приговоры должны означать, что соответствующие нормы «сработали», завершили упорядочивание общественных отношений, что дало бы основание утверждать о правовой определенности результатов правоприменения. Тут, очевидно, возникает противоречие: с одной стороны, в части выводов об обстоятельствах уголовного дела вопрос о правовой определенности «зависает», но, с другой стороны, уголовно-правовой спор считается разрешенным.

В этой связи, думается, для преодоления такого противоречия должен быть применен некий апологический прием в виде ведения в правовую ткань уголовного судопроизводства нового вида правовой презумпции как предположения, основанного на вероятности. Такой презумпцией может быть *презумпция юридической надежности* признания обвиняемым своей вины и, как следствие, связанных с ним результатов упрощенного или сокращенного доказывания.

Иначе говоря, нужно принять, что результаты правоприменения опираются на презумпцию юридической (формальной) надежности как признательных показаний обвиняемого, так и иных доказательств, которые согласовываются с таким показанием. Ясно, что это – зыбкая конструкция, легко опровержимая. Но если не исходить из этого предположения, то все правоприменительные выводы будут выглядеть откровенно, то есть без формального покрова, сомнительными. Другой вопрос: может ли законодатель относиться к таким выводам с сомнением? Оказалось, что может, что и было отражено в последней редакции ст. 90 УПК РФ, отказавшей приговору, постановленному в сокращенном судебном разбирательстве, в преюдициальной силе и, следовательно, в истинности.

Но если так, то и презумпция невиновности таким приговором не может быть однозначно опровергнута. Как результат, приговор, постановленный в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, считается формально истинным и надежным ровно настолько, насколько надежным считается признание

обвиняемым своей вины. Приговор же, постановленный в общем порядке судебного разбирательства с доказыванием, нацеленным на опровержение презумпции невиновности или подтверждение невиновности, выступает как объективно истинный приговор, наделенный преюдициальной силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 353. С. 142–147.
2. Свиридов М.К. Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 101–108.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
4. Корякин В.А. Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2015. № 9. С. 36–39.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

ON THE TWO TRUTHS IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 20–22. DOI 10.17223/23088451/11/4

Madina T. Ashirbekova, Volgograd Institute of Management (Branch) of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation). E-mail: madina.55@mail.ru

Keywords: truth, sentence, trial.

In simplified or conciliatory proceedings, based on the exceptional importance of the accused pleading guilty, the presumption of innocence is not refuted even by an enforceable conviction made in a simplified trial. This conclusion follows from the provisions of Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which provides that the circumstances established by the sentence the court renders in accordance with Art. 226.9, 316 or 317.1 of the Code can not be recognised by the court, the prosecutor, the investigator, the inquirer without additional verification. In other words, such sentences are not vested with a prejudicial force, unlike sentences imposed in the general procedure of the trial, as well as court decisions that have come into force as part of civil, arbitration or administrative proceedings. Why is it so? Clearly, the reason is because the conclusions about the circumstances of the criminal case established in such sentences are questionable and, accordingly, can not be understood as true. However, such sentences do not cease to be acts of individual sub-regulatory regulation that fix the final stage of the implementation of the norms of the criminal law and the criminal procedure law in relation to a specific controversial legal relationship. In a word, such sentences must mean that the relevant norms “worked”, completed the ordering of social relations, which would give grounds for asserting the legal certainty of the results of law enforcement. A contradiction, obviously, arises here: on the one hand, with regard to conclusions about the circumstances of the criminal case, the question of legal certainty “freezes”; on the other hand, the criminal legal dispute is considered resolved.

References

1. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 142–147. (In Russian).
2. Sviridov, M.K. (2015) Elimination of investigative errors in the course of a trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (16). pp. 101–108. (In Russian).
3. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: Kurs v dvukh tomakh* [General theory of law: A course in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Koryakin, V.A. (2015) Imitatsiya deystviya prezumptsii nevinovnosti pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme [Simulation of the presumption of innocence in the production of inquiry in a shortened form]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 9. pp. 36–39.
5. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsesssa* [The course of the criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.